

В толпе, среди людей, стояла женщина с простодушным и молчаливым лицом. Она замерла за спиной у старухи, которая, подпрыгивая и выкрикивая ругательства, пыталась прогнать представителей власти, и во все глаза, с явным недоверием, смотрела на рослого Лу Пиньяня. Рядом с ней стояла женщина средних лет с насмешливой ухмылкой, вовсю подпевавшая остальным в общем гвалте.

Двое милиционеров, преградившие путь Джа Чжанши и Третьей тетушке, не могли прорваться, чтобы вызвать охрану. Против них была целая орава старух и баб, и, не имея возможности применить силу, стражи порядка лишь обливались потом от досады.

Лу Пиньянь цокнул языком, про себя подмечая: ну точно, это же тот самый Сыхэюань, ни с чем не перепутаешь. В любом другом месте обычные люди при виде формы дрожали бы, как мыши перед котом, ведя себя тихо и смиренно.

Но что творилось с обитателями этого двора? Они не только ни во что не ставили милиционеров, но еще и издевались над ними, будто понятия не имели, что такое государственные органы и суровость закона.

Милиционер постарше, видимо, более опытный, пытался вразумить Джа Чжанши, но та его и слушать не хотела — как ни объясняй, всё было бесполезно.

Запугать их тоже не удавалось: эти твари, давно обжившиеся в переулках, были стреляными воробьями. А видя, что вокруг все их подбадривают, они лишь пуще прежнего убеждались, что милиция им ничего не сделает, и становились всё наглее.

Глядя на ошарашенных стражей порядка, Лу Пиньянь не удержался и расхохотался.

Именно таким он и представлял себе Сыхэюань.

Честно говоря, в прошлой жизни он так и не посмотрел сериал «Сыхэюань» целиком, лишь урывками, а потом вспомнил о нем, когда читал книги.

Стоило вчитаться, как он был поражен персонажами: И Чжунхай — святоша, лицемер; Янь Бугуй — расчетливый скряга; Цинь Хуайжу — святая дева с подвохом; Хэ Юйчжу — боевой дух двора; Сюй Дамао — двуличный интриган; Лю Хайчжун — карьерист, жаждущий продвижения... У каждого своя репутация, разве это простые люди?

Можно сказать так: если переловить всех обитателей этого двора и расстрелять, то, может, пара человек и не заслуживала смерти, но если расстреливать через одного, то всё равно останется целая куча тех, кто давно напрашивался на пулю.

Не зря в народе этот двор прозвали «Гнездом нечисти» — зря имен не дают! Думаете, шутки ради? Да их за все дела и смерти было мало!

Милиционеры совсем растерялись: по-хорошему не понимают, кричать — не боятся, а действовать как с настоящими преступниками нельзя. Что же делать?

Лу Пиньянь следовал за ними, наблюдая за представлением, как вдруг из одной из комнат выскочила маленькая девочка. Вырвавшись из чьих-то рук, она подбежала к Лу Пиньяню и, подняв свое изможденное, покрытое трещинками от мороза личико, с любопытством спросила:

— Братик, ты вернулся, чтобы найти меня?

Лу Пиньянь посмотрел в ее ясные, светлые глаза, и словно молния пронзила его. В голове всплыли обрывки давно забытых воспоминаний.

— Братик, на, возьми! Это я украдкой спрятала поллепешки! Ешь скорее, только чтобы бабушка не видела, а то опять нас побьет.

— Братик, сегодня Баньгэн опять меня ударил, но я не боюсь — он дерется не так больно, как наш папа! Хи-хи...

— Братик, это я тебе оставила кусочек леденца, он такой сладкий! Это старшая сестра уронила, я бросилась и схватила, а потом плевалась, чтобы пыль убрать, хи-хи... Старшая сестра таскала меня за уши, а мне не больно... Ешь скорее!

— Братик, во всем доме только ты ко мне добр, только ты делишься едой и не бьешь меня. Скажешь, ты сможешь снова стать тем умным и храбрым братом? Почему от жара люди становятся глупыми? Если бы ты не стал таким, ты бы меня защитил, правда? Хи-хи, давай защищать друг друга...

— Братик, ты не можешь не уезжать в деревню? Я слышала, тебе вовсе не обязательно ехать, это всё бабушка, дедушка и тетя заставили тебя идти вместо Лу Пиньяня... У-у-у, если ты уйдешь, больше никого не останется, кто заступится за меня! Не уезжай, пожалуйста...

Рука Лу Пиньяня непроизвольно коснулась жестких, спутанных волос девочки. Он с недоверием спросил:

— Ты узнаешь меня? Ты моя младшая сестра?

— Угу, ты мой старший брат, конечно, я тебя узнаю! Братик, ты... ты что, не помнишь меня?

Окружающие тоже заметили эту сцену. У кого память получше, начали припоминать:

— Этот человек... почему он кажется таким знакомым?

— Эй, это не тот дурачок из семьи Лу?

— Не может быть! Разве семья Лу не говорила, что он потерялся и сгинул где-то на чужбине? Как он вдруг вернулся?

— Похоже, он! Если его переодеть, умыть и причесать, я бы и не узнала...

— Точно, это он. Разве он не был дурачком? Как он, похोдив где-то, вдруг стал таким нормальным?

— Вы разве не знаете? Он в детстве вовсе не был дурачком, очень умным был!

— Это всё та старая карга из семьи Лу виновата. У нее сердце черное, внуков от старшего сына она за сокровище держит, а младшего сына и этого внука за людей не считает. Когда ребенок заболел, она, имея деньги, ни копейки не дала, всё в кулаке сжимала. Из-за того, что денег на врача не было, мальчишка от температуры и стал дурачком! Я вам скажу...

— А с виду такая приличная, всем хвасталась, а сама такая тварь?

— Ха! Чернее ночи! Вы посмотрите на ее младшую внучку, как она с ней обращается? Даже с собакой или кошкой так не поступают! Сердце у нее гнилое, я вам говорю, ядовитое...

— Ой, а она ведь сегодня утром так ласково со мной здоровалась! Просила одолжить выкройку, чтобы внуку стельки в ботинки сделать. Говорит, весной снег тает, дети бегают, обувь промокают, боится, что ноги застудит...

— Тьфу ты, Господи! Оказывается, внуки у них такие разные? Страшно подумать! Больше с этой ядовитой старухой дел иметь не буду, до чего же жуткая женщина!

Эти сплетницы якобы шептались, но на деле каждый во дворе, кто хоть немного слышал, мог разобрать суть, не говоря уже о тех, о ком шла речь.

Услышав это, та самая высокая старуха, что еще минуту назад радостно подпрыгивала, пришла в ярость:

— Вы, дрянные девки, смеете за моей спиной кости мне перемывать? Смотрите, я вам рты порву и дерьмом залью! Старшая невестка, младшая невестка, в атаку! А ты, Чуннир, дрянь ты такая, почему еще не ушла в комнату работать?

Видя, что назревает еще одна битва, не уступающая той, что затеяла Джа Чжанши, милиционеры бросили препирательства и поспешили наводить порядок.

Лу Пиньань не обращал внимания на суету. Его сердце было переполнено чувствами к этой маленькой девочке. Хотя он помнил лишь смутные фрагменты, глубокая, родственная связь, заложенная в самой крови, вызывала у него невыразимую радость.

Он присел на корточки, не в силах оторвать взгляд от сестренки, ему хотелось обнять ее и утешить, но он явно недооценил ее стойкость.

Увидев, что брат ее не помнит, девочка лишь на мгновение опечалилась, но тут же взяла себя в руки и снова улыбнулась, словно боясь, что брат увидит ее слезы.

<http://bllate.org/book/18528/1782164>